

Бюргер Готфрид

Удивительные приключения барона Мюнхгаузена

Перевод с немецкого
Веры Вальдман

ФТМ

Рудольф Распе

**Удивительные приключения
барона Мюнхгаузена**

«ФТМ»

1785

Распе Р. Э.

Удивительные приключения барона Мюнхгаузена / Р. Э. Распе — «ФТМ», 1785

«Я выехал из дома, направляясь в Россию, в середине зимы, с полным основанием заключив, что мороз и снег приведут, наконец, в порядок дороги в северной Германии, Польше, Курляндии и Лифляндии, которые, по словам всех путешественников, еще хуже, чем дороги, ведущие к храму Добродетели, не потребовав на это особых затрат со стороны достопочтенных и заботливых властей в этих краях. Я пустился в путь верхом, ибо это самый удобный способ передвижения, если только с конем и наездником все обстоит благополучно. При таких условиях не рискуешь ни дуэлью с «учтивым» немецким почтмейстером, не зависишь от прихоти томящегося жаждой почтового ямщика, который станет заворачивать по пути в каждый трактир. Одет я был довольно легко, и это становилось все неприятнее по мере того, как я продвигался на северо-восток...»

Содержание

Барона фон Мюнхгаузена собственное повествование	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Годфрид Бюргер
Удивительные приключения
барона Мюнхгаузена
на воде и на суше, походы и веселые
приключения, как он обычно
рассказывал о них за бутылкой
вина в кругу своих друзей

*Верьте, почтенные господа,
Умный не прочь пошутить иногда.*

Барона фон Мюнхгаузена собственное повествование

Я выехал из дома, направляясь в Россию, в середине зимы, с полным основанием заключив, что мороз и снег приведут, наконец, в порядок дороги в северной Германии, Польше, Курляндии и Лифляндии, которые, по словам всех путешественников, еще хуже, чем дороги, ведущие к храму Добродетели, не потребовав на это особых затрат со стороны достопочтенных и заботливых властей в этих краях. Я пустился в путь верхом, ибо это самый удобный способ передвижения, если только с конем и наездником все обстоит благополучно. При таких условиях не рискуешь ни дуэлью с «учтивым» немецким почтмейстером, не зависишь от прихоти томящегося жаждой почтового ямщика, который станет заворачивать по пути в каждый трактир. Одет я был довольно легко, и это становилось все неприятнее по мере того, как я продвигался на северо-восток.

Так вот, пусть представят себе, как должен был чувствовать себя в этом суровом климате бедный старик, лежавший где-то в Польше, на пустыре, по которому гулял северный ветер. Беспомощный и дрожащий, он не имел даже чем прикрыть свою наготу.

Мне до глубины души стало жаль беднягу. Хотя у меня самого душа в теле замерзала, я все же накинул на него свой дорожный плащ. И тут внезапно из поднебесья донесся голос, восхвалявший столь добрый поступок в следующих выражениях, обращенных ко мне:

– Черт меня побери, сын мой, тебе за это воздастся!

Я не придавал этому значения и продолжал путь, пока ночь и мрак не окутали меня. Ни один огонек, ни один звук не говорили о близости хоть какой-нибудь деревушки. Все кругом было замечено снегом, и я не различал, ни дорог, ни троп.

Утомленный ездой, я соскочил наконец с коня и привязал его к какому-то подобию остроконечного бревна, торчавшего из-под снега. Подложив на всякий случай под руку свой пистолет, я улегся неподалеку в снег и так крепко уснул, что открыл глаза только тогда, когда было уже совсем светло. Как же велико было мое удивление, когда я убедился, что лежу на кладбище в какой-то деревне! Коня моего нигде не было видно, но вдруг где-то высоко надо мной послышалось ржание. Я взглянул вверх и увидел, что он привязан к флюгеру на церковной колокольне и болтается в воздухе. Тут я сразу все сообразил. Дело в том, что деревня ночью была вся засыпана снегом. Погода неожиданно переменялась, и, по мере того как снег таял, я,

не просыпаясь, потихоньку опускался все ниже. То, что в темноте показалось мне торчащим из-под снега бревном или пнем, к которому я привязал коня, было не то крестом, не то флюгером на колокольне.

Не задумываясь, я вытащил пистолет, выстрелил в недоуздок и, благополучно вернув себе таким образом коня, пустился в дальнейший путь.

Все шло прекрасно, пока я не добрался до России, где зимой не принято путешествовать верхом. Так как обычно я придерживался местных обычаев, то и на сей раз добыл маленькие одноконные беговые санки и весело помчался в Санкт-Петербург.

Не могу сейчас точно сказать, было ли это в Эстляндии или в Ингерманландии, помню только, что случилось это в дремучей лесной чаще, когда я вдруг увидел, что за мной со всех ног несется чудовищной величины волк, подгоняемый нестерпимым зимним голодом. Он вскоре настиг меня, и спастись от него не было никакой надежды. Машинально кинулся я ничком в сани, предоставив лошади, во имя общего нашего блага, полную свободу действий. И тут почти сразу произошло именно то, что я предполагал, но на что не смел надеяться. Волк, не удостоив такую мелкоту, как я, своим вниманием, перескочил через меня, с яростью накинулся на лошадь, растерзал и сразу же проглотил всю заднюю часть бедного животного, которое от страха и боли понеслось еще быстрее. Отделавшись, таким образом, благополучно, я тихонько приподнял голову и, к ужасу своему, увидел, что волк чуть ли не целиком вгрызся в лошадь. Но лишь только он успел забраться внутрь, как я, со свойственной мне быстротой, схватил кнут и принялся изо всей мочи хлестать по волчьей шкуре. Столь неожиданное нападение, да еще в то время, как он находился в таком футляре, не на шутку напугало волка. Он изо всех сил устремился вперед, труп лошади рухнул наземь, и – подумать только вместо нее в упряжке оказался волк! Я не переставал стегать его кнутом, и мы бешеным галопом, вопреки нашим общим ожиданиям и к немалому удивлению зрителей, в полном здравии и благополучии въехали в Санкт-Петербург.

Боюсь, милостивые государи, наскучить вам рассказами об образе правления, искусстве, науках и других достопримечательностях этой изумительнейшей столицы России и еще менее хочу занимать вас повествованием о всяких интригах и веселых приключениях в высшем обществе, где хозяйка дома имеет обыкновение приветствовать гостя рюмкой водки и звонким поцелуем. Я стремлюсь привлечь ваше внимание к более важным и благородным предметам, а именно – к лошадям и собакам, большим любителям которых я всегда был, далее к лисицам, волкам и медведям, а их, как и всякой другой дичи, в России такое изобилие, что ей может позавидовать любая другая страна на земном шаре, и, наконец, ко всякого рода увеселениям, рыцарским состязаниям и славным подвигам, которые более к лицу дворянину, чем крохи затхлой латыни и греческой премудрости или раздушенные саше, завитые коки и выкрутасы французских утонченных остряков и парикмахеров.

Ввиду того, что потребовалось известное время, пока я был зачислен в армию, у меня осталось несколько месяцев досуга, когда я мог и дни свои и деньги растрачивать благороднейшим образом, как подобает истинному дворянину.

Не одна ночь протекла за игорным столом, и немало ночей – под звон полных бокалов. Холодный климат и нравы страны отвели бутылке, среди других светских развлечений, в России гораздо больше места, чем в нашей трезвой Германии. Мне приходилось поэтому встречать там людей, которые в благородном искусстве выпивки имели право считаться подлинными виртуозами. Но все они были лишь жалкие недоучки по сравнению с седобородым генералом с медно-красным лицом, обедавшим с нами за общим столом.

Почтенный старичок, который в одном из боев с турками утратил верхнюю часть черепа, имел поэтому обыкновение, знакомясь с новыми людьми, с учтивым простодушием извиняться за то, что вынужден за столом оставаться в головном уборе. За трапезой он неизменно опорожнял несколько бутылок водки и заканчивал обычно фляжкой аррака или же, смотря

по обстоятельствам, раз-другой начинал сначала. И все же никогда нельзя было уловить в нем ни малейшего признака опьянения. Вам трудно этому поверить? Я готов извинить вас, милостивые государи. Это было и для меня непостижимо. Долго я не знал, чем это объясняется, пока мне, наконец, не удалось найти ключ к загадке...

У генерала была привычка время от времени слегка приподнимать шляпу. Мне нередко приходилось это видеть, но я не придавал этому значения. То, что ему становилось жарко, казалось вполне естественным, и то, что он старался освежить голову, также не вызывало удивления. Но в конце концов мне удалось заметить, что он вместе со шляпой приподнимает прикрепленную к ней серебряную пластинку, заменявшую ему недостающую часть черепа, и тогда весь пар от поглощенных им спиртных напитков взвивался ввысь в виде небольшого облачка. Загадка была разгадана!

Я поделился своими наблюдениями кое с кем из добрых моих друзей и, ввиду того, что как раз стемнело, взялся немедленно произвести опыт и доказать свою правоту. Я встал, не выпуская из рук трубки, за спиной генерала и, когда он приподнял шляпу, при помощи клочка горящей бумажки поджег взвившийся над его головой пар. И тогда перед нами представало столь же неожиданное, сколь и красивое зрелище. В одно мгновение я превратил столб пара над головой нашего героя в огненный столб, а часть испарений, задержавшаяся в пространстве между волосами и шляпой генерала, вспыхнула голубым огнем, образовав некое подобие сияния, прекраснее любого нимба, когда-либо озарявшего чело самого прославленного святого. Скрыть от генерала произведенный мною опыт было невозможно. Но он ничуть не разгневался и даже впоследствии неоднократно разрешал повторять эксперимент, придававший ему столь возвышенный вид.

Не стану останавливаться на ряде других веселых проделок, так как собираюсь рассказать вам о разнообразных охотничьих приключениях, которые кажутся мне более замечательными и забавными.

Вы легко можете себе представить, милостивые государи, как хорошо я чувствовал себя в обществе добрых приятелей, по достоинству умевших ценить обширный, ничем не огороженный лес для охоты. Разнообразие, свойственное таким развлечениям, а также исключительная удача, сопутствовавшая любой моей проделке, вспоминаются и сейчас с особым удовольствием.

Однажды утром я увидел, что большой пруд, находившийся почти под самыми окнами моей спальни, буквально усеян дикими утками. Я мгновенно схватил стоявшее в углу ружье и сломя голову бросился вниз по лестнице. Все это произошло столь стремительно, что я ударился лицом о дверной косяк. Искры посыпались у меня из глаз. Это, однако, ни на секунду не задержало меня. Но едва я вскинул ружье, как к великой своей досаде заметил, что при ударе о дверь соскочил даже кремь с ружейного курка. Что делать? Времени терять было нельзя.

К счастью, я вспомнил то, что сейчас произошло с моими глазами. Итак, я взвел курок, прицелился в диких птиц и ударил кулаком себя в глаз. Из него снова посыпались искры. Раздался выстрел, и я подбил пять пар уток, четыре красношейки и пару лысух. Находчивость порождает героические поступки! Если воин и моряк с ее помощью нередко избегают опасности, то охотник не менее часто бывает обязан ей своей удачей.

Случилось однажды, что по озеру, на которое я набрел во время охоты, плавало несколько дюжин диких уток. Они были так далеко друг от друга, что я не мог надеяться сбить каждым выстрелом больше одной. А на беду, у меня оставался только один, последний заряд. Между тем мне очень хотелось захватить с собой всех уток, так как я в ближайшее время собирался пригласить в гости большую компанию друзей и знакомых.

И тут я вдруг вспомнил о кусочке свиного сала, уцелевшем на дне моего ягдташа от взятого с собой завтрака. Я прикрепил этот кусочек к концу довольно длинного собачьего поводка, который я вдобавок расплел, удлинив его таким образом раза в четыре. Укрывшись в берего-

вом камыше, я закинул в воду этот кусочек сала и с радостью увидел, как ближайшая утка быстро подплыла и проглотила его. За первой вскоре последовали и все остальные, и так как прикрепленный к шнуру скользкий кусочек сала очень быстро выходил сзади непереваренным, то его проглатывала следующая, и так все, одна за другой. Короче говоря, кусочек сала пропутешествовал по внутренностям всех уток, не оторвавшись от шнура. Утки были нанизаны на шнуре, словно бусы на нитке. Я с удовольствием вытащил их на берег, обмотал шнур раз десять вокруг себя и направился в обратный путь.

До дому было еще довольно далеко, и так как весило такое множество уток порядочно и тащить их было тяжело, я уже почти готов был пожалеть о том, что столько их наловил. Но тут меня выручило необычайное происшествие, сначала немало смутившее меня. Дело в том, что все утки были еще живы. Оправившись от первого испуга, они изо всех сил стали бить крыльями и поднялись со мною ввысь. Многие при подобных обстоятельствах потеряли бы голову, но я умело использовал свое положение: пустив в ход вместо руля полы своего сюртука, я направил полет в сторону дома.

Оказавшись над своим жильем и желая без вреда для себя опуститься вниз, я стал свертывать уткам одной за другой шеи и таким образом медленно и мягко скользнул вниз прямо через трубу на плиту моей кухни, в которой, на счастье, еще не был разведен огонь. Все это к немалому испугу и удивлению моего повара.

Нечто подобное мне пришлось однажды проделать со стаей куропаток.

Я вышел из дому, намереваясь испробовать новое ружье, и уже растратил весь свой запас дробы, как вдруг из-под моих ног совершенно неожиданно вспорхнула стая куропаток. Желание видеть вечером несколько штук из них у себя на столе заставило меня придумать способ, к которому и вы, милостивые государи, можете вполне в случае надобности прибегнуть, положившись на мое слово. Заметив, куда опустились куропатки, я поспешно зарядил ружье, использовав для этого вместо дробы шомпол, верхний конец которого я, насколько возможно в такой спешке, немного заострил. Затем я подкрался к куропаткам и, лишь только они вспорхнули, выстрелил и имел удовольствие наблюдать, как мой шомпол с нанизанными на нем семью куропатками в нескольких шагах от меня медленно опускался на землю. Бедным птицам оставалось лишь удивляться, что они так рано оказались на вертеле! Да, как я уже говорил, в жизни всегда нужно уметь найти выход.

В другой раз в одном из дремучих лесов России я поднял великолепную черно-бурую лисицу. Очень уж жалко было продырявить пулей или дробью ее драгоценную шкуру! Кумушка стояла вплотную у дерева. Я мгновенно вытащил из дула пулю, зарядил ружье здоровенным гвоздем, выстрелил и попал так удачно, что крепко пригвоздил лисий хвост к стволу. Тогда, спокойно подойдя к своей добыче, я вынул охотничий нож, крест-накрест рассек лисице морду, а затем, пустив в ход плетку, выколол ее из собственной шкуры, да так ловко, что любо было поглядеть на такое чудо.

Случай и удача подчас помогают исправить совершенную ошибку. Лучшим примером может служить то, что я пережил несколькими днями позже, когда в самой гуще леса увидел бежавших друг за другом дикого поросенка и веприцу. Я выстрелил, но промахнулся. Поросенок продолжал свой путь, но веприца, не шевелясь, замерла на месте, словно пригвожденная к земле. Когда мне удалось присмотреться внимательнее, я убедился, что веприца слепа и держит в зубах хвостик своего поросенка, который, выполняя сыновний долг, служил ей поводком. Моя пуля, пролетев между ними, порвала поводок, кончик которого старая веприца все еще сжимала в зубах. И теперь, когда поводок уже не вел ее дальше, она остановилась. Я ухватился за оставшийся кончик поросенчьего хвостика и без всякого труда и сопротивления с ее стороны отвел старое, беспомощное животное к себе домой.

Как ни страшны порой вепри, но кабаны гораздо страшнее и опаснее. Мне случилось однажды в лесу встретиться с кабаном, когда я не был готов ни к нападению, ни к самозащите.

Едва успел я укрыться за деревом, как разъяренный зверь кинулся ко мне и попытался нанести мощный боковой удар. Но клыки его так глубоко вонзились в ствол дерева, что он оказался не в состоянии сразу выдернуть их и повторить свою попытку.

«Ага! – подумал я. – Теперь-то я расправлюсь с тобой!» Не теряя времени, я схватил камень и так крепко вколотил клыки в дерево, что кабану уже никак нельзя было выдернуть их. Пришлось ему дожидаться, пока я добыл в соседней деревне телегу и веревки, чтобы живым и в полной сохранности доставить его к себе домой, что мне великолепно и удалось.

Вам, милостивые государи, без сомнения приходилось слышать о святом Губерте – покровителе охотников и стрелков, – а также и о красавце олене, который встретился ему однажды в лесу. У этого оленя между рогами возвышался святой крест. Я сам ежегодно в доброй компании совершал жертвоприношения этому святому Губерту. Что же касается оленя, то мне по меньшей мере тысячу раз приходилось видеть его изображение как в церквах, так и вышитым на гербах рыцарей. Так что, поверьте совести честного охотника, я не могу с уверенностью сказать, встречались ли только в старину такие крестовые олени или встречаются даже сейчас. Но разрешите лучше рассказать, что мне довелось увидеть собственными глазами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.